

Глава 3. Первые шаги в гареме (3)

— Тот господин из дворца Биюань свалился прямо в пруд Цзиньюй!

За какой-то час эта весть, словно на крыльях, разлетелась по всему дворцу, добравшись до ушей каждой служанки и последнего евнуха.

Кон Цзяцзы едва успел отнять полмиски горячей жижи. Не обращая внимания на обжигающий жар, он жадно вылебал её, кривясь от боли. Прижав ладонь к животу, он почувствовал, как приятное тепло медленно разливается по телу. Только сейчас к нему вернулось забытое ощущение жизни.

Отставив пустую посуду, он проигнорировал полные злобы взгляды остальных оборванцев. Кон Цзяцзы поднялся и размял затекшие от холода ноги и руки.

Тварь, без умолку трещавшая у него в голове, наконец почуяла неладное.

— А-а-а? Почему я не могу выйти?! Что ты со мной сделал?! — в голосе Наставника-эльфа 311 сквозила чистейшая паника.

В двадцать втором веке он был самым заурядным офисным клерком, трудившимся на игрового гиганта. «План по выращиванию евнуха» — обычная виртуальная забава, выстроенная на незыблемом принципе «плати и побеждай». Ещё на стадии закрытого бета-теста для богатых игроков подготовили элитные наборы, к которым прилагалась круглосуточная поддержка живого помощника. Именно этой работой и занимался 311-й. В его обязанности входило нянчиться с клиентом первые семь дней, исполняя любые капризы — вплоть до того, чтобы спеть песню от скуки, если покупатель готов был терпеть его безголосый вокал.

В его время каждый крутился как мог. 311-й благодаря умению льстить и прикидываться милашкой даже снискал некоторую популярность среди коллег. Клиенты с каждым годом становились всё капризнее, и помощники, способные удерживать рейтинг одобрения выше восьмидесяти процентов, ценились на вес золота.

В тот день он, как обычно, устроился в рабочей виртуальной капсуле и по сигналу системы подключился к разуму Кон Цзяцзы. Кто же знал, что ему достанется настоящий дикарь? Как бы эльф ни старался выдавать забавные реплики, этот угрюмый парень не проронил ни слова.

Потерять честно заработанную репутацию 311-й не желал, а потому принялся без устали забрасывать Кон Цзяцзы назойливой болтовнёй.

Однако парень оказался на редкость упрямым. Почувствовав, что его подопечный всерьёз подумывает о самоубийстве, эльф нешуточно испугался. Меньше всего ему хотелось отвечать за чью-то смерть перед судом двадцать второго века — там подобные дела карались

беспощадно.

Чёрт с ним, с рейтингом! Пусть лишат премии, пусть будут выговоры — это всё же лучше, чем вылететь с работы с волчьим билетом или загреметь за решётку.

И вот тогда он понял самое страшное: кнопка принудительного выхода заблокирована.

Кон Цзяцзы подошёл к распахнутой двери. Ледяной ветер швырнул ему в лицо пригоршню колкого снега. Парень лишь сильнее запахнул куцый халат, который совершенно не спасал от стужи.

В ушах вновь раздался панический вопль 311-го:

— Что ты наделал?! Слышишь, Кон Цзяцзы, что ты наделал?!

Кон Цзяцзы оглянулся. Остальные мальчишки, сжавшиеся в кучу у стены, испуганно опустили головы, уходя от его взгляда.

«Что я наделал?»

Да ничего.

Он крепко сжал рукоять ножа. Под пронизывающими порывами ветра гнев и азарт недавней схватки быстро улетучились, оставив лишь холодную решимость.

Он всё ещё помнил, как приставил лезвие к горлу мальчишки, силой вырывая у него заветную миску. Из горла тогда вырвалось лишь одно хриплое слово:

— Отдай.

Рука не дрогнула. Ни жгучая ненависть, ни животный страх в глазах жертвы не заставили его отступить.

Он уже собирался вернуться к теплу, как вдруг до его слуха донёсся громкий шёпот евнухов, сгребавших во дворе снег. На этот раз они даже не пытались говорить тише.

— Эй, слышал, что служанки шепчут? В пруд Цзинъюй только что свалился кто-то из благородных!

— Да как же так? У любого господина свита из десятка слуг, как они не углядели-то?

— Так это тот, маленький... из дворца Биюань.

— Из Биюаня? Так это же холодный дворец, считай, опала!

— Тсс! А ну помалкивайте! — из дверей пристройки высунулся молодой евнух и сердито пригрозил сплетникам пальцем. — Языки чешутся? Жить надоело, раз дворцовые тайны на холоде перемываете?

Кон Цзяцзы не стал слушать дальше. Он вернулся к жаровне и притворил дверь, чтобы не выпускать драгоценное тепло. На остальных ему было плевать, но подхватить лихорадку в такой мороз в его планы точно не входило.

Стоило ему приблизиться, как толпа мальчишек брызнула в стороны, словно от чумного, мгновенно уступив самое тёплое место.

Кон Цзяцзы лишь усмехнулся про себя и устроился поудобнее. В котле не осталось ни капли, а грязную посуду забитые сироты уже успели прибрать. Выходило, что он пришёл на всё готовое.

Конечно, теперь он станет изгоем, но это малая цена за покой. Лучше одиночество, чем побои и унижения. Раньше эти выродки издевались над ним, попрекая клеймом сына опального чиновника. И где они теперь? Точно так же гниют здесь, лишившись мужского естества.

В этой яме все были равны, и гордиться тут точно нечем.

Тварь у него в голове тем временем немного утихла. Похоже, первый приступ паники у неё прошёл.

— Кон Цзяцзы, умоляю, отпусти меня... — заканючил Наставник, срываясь на плач. — Я ведь просто человек, обычный человек...

Парень молча поворошил угли прутиком. Мольбы невидимого гостя он привычно проигнорировал.

Поняв, что сотрясает воздух зря, Наставник замолк.

Наконец-то наступила благословенная тишина.

«Господи, какая благодать...» — подумал Кон Цзяцзы и с облегчением вздохнул.

Он задумчиво погладил холодное лезвие ножа. Теперь, когда назойливый писк прекратился, можно было спокойно поразмыслить о таинственной силе, поселившейся в его теле.

Если этот дух обладает столь великим могуществом, с чего бы ему униженно молить о пощаде какого-то мальчишку?

Может быть, чужак заперт здесь против собственной воли? Возможно, он боится остаться в этом теле ничуть не меньше, чем сам Кон Цзяцзы боится его присутствия?

К тому же первый бесплотный голос, объявивший о начале испытания, разительно отличался от этого нытика. Тот вещал бесстрастно и властно, а этот... Этот казался обычным трусом. Но как тогда быть с таинственными «заданиями» и «наградами»?

Кон Цзяцзы раз за разом прокручивал в голове эти странные понятия.

Короткий клинок привычно заплесал между его пальцами, поблескивая в полумраке.

Раздался резкий скрип — приоткрытая дверь распахнулась настежь.

На пороге возник пожилой евнух в богатом парчовом халате. В руках он держал изящную метёлку-фучэнь.

Брезгливо поморщившись, важный гость прикрыл нос белым ворсом метёлки. Следом за ним, семена и угодливо улыбаясь, шёл утренний смотритель.

— Главный управляющий У, ну зачем вам эти замарашки? — затараторил смотритель, заглядывая начальнику в лицо. — Их ведь только привезли, даже оскопить не успели. Запах тут... не ровён час, осквернит ваш взор! У меня в соседнем крыле есть отличные ребята, сообразительные, чистенькие...

— Нет, выбирать будем здесь, — отрезал управляющий У, даже не убирая фучэнь от лица. Он смерил смотрителя ледяным взглядом. — Твои «чистенькие» снаружи блестят, да только бог знает, какая гниль у них внутри. Его Величество сегодня рвёт и мечет. Ты что, хочешь, чтобы я взял ещё одного подосланного шпиона и окончательно сгубил Тринадцатого принца?

Смотритель испуганно побледнел и принялся истово хлестать себя по щекам:

— Раб заслуживает смерти! О язык мой грешный, пощадите ничтожного!